

Шедяков В. Є.

ЗНАЧЕННЯ РИТМІВ, ХВИЛЬ ТА ЦИКЛІВ ОНОВЛЕННЯ Й РОЗВИТКУ КУЛЬТУРНО-ЦИВІЛІЗАЦІЙНИХ СВІТІВ У РЕАЛІЗАЦІЇ ПРОЦЕСІВ СОЦІОГЕНЕЗУ

У статті проаналізовано закономірності та приклади ритмічності у процесах соціогенезу. Розглянуто співвідношення прогресу та регресу в історії культурно-цивілізаційних світів. Особливості соціального розвитку українського суспільства вивчені під кутом зору накладення один на одного особливостей тривалих пострадянських трансформацій і постмодернізації суспільного життя. Звідси, зокрема, можуть впливати певні рекомендації в галузі соціального управління та трансформації соціальної роботи.

Ключові слова: соціогенез, ритм, цикл.

Соціогенез передбачає ритмічне виникнення, розвиток, зміна і вичезнення його елементів (індивідів, орудій праці, соціальних груп, класів, суспільних відносин), то єсть і розвиток, і деградація, відносительні прогрес і регрес культурно-цивілізаційних світів, являються неотъемлемою частиною всякого періодичного процесу. Аналіз ритмічності суспільних змін, востребованості певних рис характеру лідерів, політичної і економічної кон'юнктури проводився багатьма авторами. В них різні дослідницькі школи виділяють, в відповідності до своїх підходів і наукових завдань, різні етапи, фази, ритми, хвилі і цикли.

Спроби застосування циклічного аналізу історичного процесу існували з давнини. Але всі відкривані ним можливості повністю не усвідомлювалися, і тому він знаходив вузький коло послідовників. Лише в кінці XIX – початку XX століть положення змінюється; циклічний метод аналізу історії суспільства використаний Н. Данилевським, Л. Гумільєвим, П. Сорокіним, О. Шпенглером, А. Чижевським, А. Д. Тойнбі, економічної – Н. Кондратьєвим, Й. Шумпетером, Дж. Шмуклером, А. Кляйнхектом, Г. Меншем, К. Фріменом і іншими. Було показано, що ритмічні концепції мають перевагу перед лінійними екстраполяціями: 1) надається база прогнозу змін суспільних систем в фазах кризи, повороту; 2) при аналізі кількісних змін місце одномерного підходу неуклонного зростання займає протиставлення тенденцій зростання і спаду; 3) надається можливість оцінити структурну динаміку соціально-економічної

целостности как периодические колебания вокруг осей «централизация – децентрализация», «порядок – хаос» и проч.

Развертывание культурно-цивилизационных миров (в частности, под влиянием их ценностно-смысловых комплексов) в различные периоды своего развития подчиняется общим законам так же, как и их основные доминанты. Категория цикла (цикличность процесса) рассматривается как частный случай, а иногда даже – как синоним понятия «структура». Последнее составляет половину бинарной оппозиции «структура – хаос». Эта пара категорий выглядит универсалией, а порой – и мифологемой постнеклассической науки.

В качестве ключевой оппозиция «структура – хаос» все чаще используется физикой (Дж. Николис и И. Пригожин, Г. Хакен и др.), медицинской биологией (Ст. Гроф), математикой (Б. Мандельброт, Е. Федер), науковедением (А. Яблонский), историей культуры (Ю. Лотман), географией (А. Валесян), психологией познания (Е. Князева и С. Курдюмов), а также экологией, экономической теорией, социологией, философской онтологией (К. Глой, Е. Князева и С. Курдюмов). Причем эта пара понятий присутствует в космогонических мифах многих народов мира и, на наш взгляд, может рассматриваться первым примером палеофизической протомодели.

Цель статьи – формулирование авторского взгляда на подведение итогов в изучении ритмичности общественного развития культурно-цивилизационных миров.

Как показывает анализ, богатым фактическим материалом, способствующим принятию решений, обладает, в частности, методология «больших волн», синергетики и системологии: категория «цикла» здесь должна рассматриваться как частный случай, часто как синоним понятия «структура». Последнее составляет половину бинарной оппозиции «структура – хаос». Эта пара вообще часто оказывается универсальным конструктором, мифологемой постнеклассической науки, когда культурное сообщество переструктурируется скорее на основе новых возникающих солидарностей, нежели прежних профессиональных, классовых и проч. «корпораций».

Цикличность как фундаментальная характеристика общественного развития предполагает наличие определенных ступеней, стадий социального изменения. Категория цикла (от древнегреческого *kuklos* – круг) фиксирует один из наиболее универсальных признаков процесса социальных трансформаций. «Словарь русского языка» С. Ожегова трактует это понятие как 1. Совокупность явлений, процессов, составляющая кругооборот в течение определенного

промежутка времени. Годовой цикл вращения земли. Производственный цикл. 2. Тот или иной круг наук. Исторический цикл. 3. Законченный ряд каких-нибудь произведений, чего-нибудь излагаемого, исполняемого [1, 804]. «Советский энциклопедический словарь» добавляет к перечисленным определениям характеристику циклических форм в музыке [2, 1486]. В словаре Вебстера дается трактовка цикла как «орбиты небесного тела; круговорота лет или повторяющегося периода времени, в течении которого некоторые события или феномены повторяются в том же порядке и с теми же интервалами; периода определенной длительности, эпохи; круга операций или событий; серии событий, которые возвращаются в первоначальное состояние; определенного законченного курса или серии; ... наименьшего периода времени, в течении которого компьютер может закончить действие, операцию; серии операций на компьютере, повторяющейся в том же виде» [3, 393].

Так же, как при определении критерия прогресса, здесь решающее значение приобретает исторический подход, всесторонний анализ данного социального явления, его составляющих и условий его существования. Этот процесс волнообразных (спиралевидных) метаморфоз суть процесс циклов развития культурноцивилизационных миров [4-31]. Так реализуется соотношение устойчивости и изменчивости, цивилизации и личности.

Структуры (например циклическое движение) и детерминированный хаос представляют собой возможные режимы поведения нелинейной динамической целостности вдали от равновесия. Всеобщность свойств подобной целостности позволяет вновь вернуться к проблеме последнего обоснования. В ходе ее анализа, предпринятого недавно К. Глой, показано, что (из-за непредсказуемости поведения системы в хаотическом режиме) допустимы два противоположных заключения:

- 1) о неструктурированности универсума в целом (хотя и чреватой возможностью структурирования);
- 2) о разветвленной, чрезвычайно сложной структуре социохозяйственного универсума.

При этом, употребляя термин «культурно-цивилизационный мир», мы фиксируем, в отличие от общепринятого понимания «формации», равноправие существующих форм развития и отсутствие жесткой однозначной детерминации. Это различие, по нашему мнению, принципиально, ибо предполагает отказ от экономического или технологического детерминизма в установлении причинных связей в развитии человеческого общества. Отсюда и признание

многовариантности социальных изменений, движения общества от простого к сложному, от одномерности к многомерности, поливариантности, к экономическому, политическому и культурному многообразию. Отстаиваемый подход позволяет видеть движущие силы общественного развития отнюдь не только в классовой борьбе и перейти к анализу более сложного переплетения социальных, культурных, экономических факторов изменения общественных отношений. При этом кристаллизуется осмысление процессов развития, как вырастания одной цивилизации из другой, с наследованием части исторического прошлого, многих элементов и ритмов экономического, культурного, психологического характера, целых социальноэкономических укладов, формирующих традиции и особенности данного культурно-цивилизационного мира и определяющих специфику развития той или иной страны.

Одну из оригинальных моделей ритмичного развития цивилизаций предложил немецкий философ И. Г. Гердер. По его мнению, изложенному в работе «И еще философия истории» (1774), история того или иного народа может быть уподоблена жизни человека с его определенными жизненными периодами. Эта концепция получила дальнейшее развитие в сочинении «Идеи к философии истории человечества» (1784-1792 гг.), где вся человеческая история рассматривается как процесс последовательного зарождения, возвышения, роста и расцвета сил общества [4]. Эта идея «паленгенессии» впоследствии активно развивалась Ш. Бонне.

Несколько особняком для концепции волнообразного развития труда и общества стоят работы К. Маркса. Он приводил данные о том, что срок жизни основного капитала, инвестированного в различные его виды, в то время составлял для машин и оборудования от 5 до 10 лет, а производственных зданий, дорог, ирригационных сооружений – от 20 до 50 лет. Он отмечал, что производственные здания, железные дороги, каналы и т.д. функционируют как «общие условия процесса производства» и в какой-то мере «независимо от него». Им также исследовалось соотношение ритмов естественных и трудовых процессов в производстве. Вместе с тем, акцентировка на формационном развитии общества, особой роли экономических факторов ориентировали, скорее, на поступательное видение развития.

В соответствии с взглядами О. Шпенглера, история человечества насчитывает ряд культур, прошедших все стадии своего жизненного цикла, протяженность которого около тысячи лет. Культуры, умирая, превращаются в цивилизации, где любые формы творчества становятся ненужными и сменяются техницизмом и технократизмом.

Всего таких культур, по его мнению, восемь: египетская, индийская, вавилонская, китайская, «аполлоновская» (греко-римская), «магическая» (византийско-арабская), «фаустовская» (западноевропейская), культура майя. О. Шпенглер предполагал рождение русско-сибирской культуры [32; 33-47].

А. Дж. Тойнби выделяет пять этапов локальных цивилизаций: зарождение, становление, надлом, разложение и гибель. В первоначальном варианте работы «Исследование истории» Тойнби насчитывал 26 локальных цивилизаций, в дальнейшем он сократил их число до 21, а затем до 13, исключив при этом те, которые не прошли всех стадий эволюции, а также побочные, второстепенные, в которых основные признаки этапов проявились менее интенсивно. По его мнению, эти цивилизации таковы: западная христианская; ближневосточная ортодоксальная христианская; иранская ортодоксальная; арабская; индийская; дальневосточная; эллинистская; сирийская; буддийская; синитская; миноанская (бронзовый век на Крите); шумерская; ассирийская; вавилонская; алясская; мексиканская; юкотекская; майя; египетская; полинезийская; эскимосская; номадическая; оттоманская; спартанская; скандинавская.

П. Сорокин акцентирует внимание на трехфазном ритме в нисходящей линии эволюции цивилизаций по А. Тойнби: «упадок дезинтеграция – распад». По мнению П. Сорокина, исторический процесс есть циклическая флуктуация типов культур. В основе каждого цикла лежат представления о природе реальности, методах ее познания. Для исследователя история – иерархия в различной мере интегрированных культурных систем, суперсистем. По его мнению, при анализе греко-римской и западной культур следует выделять 14 основных сфер, в рамках которых существует цикл, состоящий из трех фаз. Среди этих сфер:

1. Живопись, скульптура, архитектура.
2. Музыка, театр, литература, искусствоведение.
3. Религия, философия, наука.
4. Естественнонаучные и технологические изобретения.
5. Этика и право.
6. Сфера политики.
7. Семейнодоговорнопринудительный ритм сферы социальных отношений.
8. Ритм роста и падения экономики.
9. Ритм возрастания роли войны в переходные периоды между фазами и падения ее значения в период кристаллизации и доминирования фазы.

10. Ритм доминирования религии в первой фазе бизнеса и другой чувственной активности в третьей фазе.

11. Ритм взлета типа исторической личности, соответствующего данному историческому периоду.

12. Ритм соответствующих периоду форм свободы.

13. Ритм взаимных подъемов и спадов тоталитаризма и невмешательство государства в дела хозяйственной жизни и свободы граждан.

14. Ритмы идеализма-материализма, прерывности и непрерывности, номинализма-концептуализма-реализма, времени, пространства, причинности и других основных принципов и категорий сознания [48].

Свойство ритмичности как неотъемлемая характеристика сложноорганизованных систем связано с соотношением тенденций изменений организации, структуры и движущих сил, а также и с условиями происходящих процессов. Судьбы культурных стилистик показывают: они зарождаются, расцветают, сходят с исторической сцены соответственно общим закономерностям цикла. Поначалу ограниченная общность людей на основе социального нововведения и культурной самоидентификации (переход к скотоводству, религиозное подвижничество, политическое объединение, военное новшество и др.) переструктурирует все свои социальные отношения, их содержание и формы. Затем достигнутые преимущества ложатся в основу включения окружающих народов в орбиту ее влияния и распространения ее миропонимания на ойкумену. Наконец, естественные границы известного мира либо непреодолимое сопротивление останавливают натиск. Специфические черты и ранние находки сакрализуются, признаются единственно верными и неизменными.

Первоначально для консолидации цивилизации толчок может формироваться в способ производства, но если импульс направлен из сферы военного искусства, изменения политической организации или религиозной идеи, то становление культуры не идентично логике производительных сил. На завершающем этапе жесткой фиксации социальных структур действия человека направляются в заранее определенные каналы. На своем излете всякая цивилизация представляет себя универсальной, глобальной. Исключительной формой, не нарушающей системной целостности, оказывается экстенсивное распространение влияния и империализм. Культура замыкается, изолируется, замещает фактический империализм идеологическим. Экспансия – результат затухания внутренних импульсов к саморазвитию либо признак пассионарного толчка.

При статичном же анализе можно зафиксировать только большую или меньшую «жесткость»/«мягкость» конкретной социальной системы, базирующуюся на доминирующих ценностно-смысловых комплексах культурно-цивилизационного мира. Более «жесткая» – следовательно, победа одних сил над другими. Потому – унитарность, огосударствленность, национализация, монополизм. Чем жестче система, тем больше видимость единства и «согласия». Всплеск борющихся сил выводит маятник истории в ритм цунами: от крайностей тоталитарного единства к плюралистскому хаосу – и назад. Колебания более мягкой системы разнятся: их амплитуда существенно меньше, а частота выше. Различия в характере волн проявляются как отход от традиций: для «мягкой», как правило, – рост консерватизма, для «жесткой» – разнообразия. У А. Шлезингера прослежено не только чередование либералов и консерваторов, но и перепитии борьбы «между реализмом и мессианством, между теориями эксперимента и судьбы» [49-50].

Циклические интерпретации развития и модернизации имеют заметные преимущества перед линейными: 1) однозначная картина мира, неадекватная постсовременности, замещается представлениями типа «подъем – спад»; 2) идеология исторической обреченности сменяется философией шанса, идеями различных ответов на вызов времени; 3) появляется инструментарий отслеживания структурной динамики (порядок – хаос, унификация – разнообразие, центризм – децентрализация). Наконец, удастся прогнозировать критические точки и отслеживать варианты поведения. Так, тот же А. Шлезингер напоминает, как его отец на основе выявления циклов в 1924 г. предсказал конец консервативного курса Кулиджа в 1932 г. и в 1939 г. – окончание либерального курса в 1947 г.

Вместе с тем социальная структура – носитель разных циклов и ритмов, выделение которых требует преодоления субъективизма и личных пристрастий. Большое влияние оказал на становление концепции волн при «смене капитальных благ и радикальной перегруппировке основных производительных сил» Н. Кондратьев. В докладе «К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры» (март 1924 г.) он обосновал правомерность разграничения «динамических процессов на эволюционные (иначе – неповторимые, или необратимые) и волнообразные (повторяемые, или обратимые). Под эволюционными или необратимыми, процессами мы понимаем те изменения, которые при отсутствии резких сторонних пертурбационных воздействий протекают в определенном и в одном и том же направлении», под волнообразными (обратимыми) – те,

«которые в каждый данный момент имеют свое направление и, следовательно, постоянно меняют его, при которых явление, находясь в данный момент в данном состоянии и затем меняя его, рано или поздно может вновь вернуться к исходному состоянию» [16, 58, 59; 17].

Самодвижение системы обеспечивается контуром самоуправления (задание и поддержание выходных характеристик системы) и координации (задание и поддержание характеристик отношений связи между элементами), взаимовлияние которых рождает циклы. Разработка П. Боккара, Ван Гельдерном, Де Вольфом, Д. Гордоном, Т. Кучинским концепции волн позволила выявить ритмы в 48-51, 7-11 и 3-3,5 года. Развивая идею циклизма, Й. Шумпетер в двухтомном труде «Деловые циклы» (1939) показал, что главной движущей силой долгосрочных колебаний экономики выступает волнообразная динамика технических и технологических нововведений. Й. Шумпетер исходил из того, что движение от растущей фазы «большого цикла» к угасающей и обратно объяснимо периодически возникающим под влиянием инноваций неравновесием. Крупный технологический прорыв дает новые сферы прибыльному вложению капитала, отчего в ряде отраслей осуществляется внедрение новых приемов и технологий. Инновации способствуют ускоренному накоплению капитала, росту нормы прибыли и общему социохозяйственному подъему. По мере насыщения рынка совокупный спрос падает, средняя норма прибыли снижается и большой удельный вес приходится на избыточный капитал. Вступает в силу угасающая волна большого цикла, выход из которой возможен только в результате очередного технического «прорыва». На гребне модернизации особенно велика, с точки зрения Й. Шумпетера, роль активности крупного бизнеса как двигателя прогресса. Именно его инновационная активность, сопряженная с известным риском из-за неопределенности перспектив, дает концентрацию и внедрение инноваций, закладывая импульс новой волны роста хозяйствования [19].

Концепция длинных волн нововведений обосновывалась также в публикациях немецкого аналитика Г. Менша, голландского – Я. ван Дейна, английского – К. Фримена, американского – Дж. Форрестера и др. К примеру, Г. Менш, изучив жизненный путь 112 крупных технических инноваций за XIX-XX столетия, пришел к выводу о волнообразности их возникновения при средней размерности в 55 лет. Пиковые показатели этих волн совпадают с растущими фазами «больших циклов».

Аналогічні висновки ван Дейна на основі аналізу емпіричного матеріалу о часі появи за той же історичний період 160 найбільш значущих інноваційних пучків. Він показав: рух фаз «великого циклу» залежить від інтенсивності нововведень. Велике значення для висновку воедино різноритмових хвиль мали також роботи К. Жюглара, Дж. Китчина, С. Кузнеца.

Був і паралельний потік застосування методології хвиль в вивченні соціально-економічних тенденцій. Її адепти виходили з етапів розвитку культури цивілізацій. Автор теорії пасионарності Л. Гумілев працював з наддовгими хвилями в 1200-1300 років – часом існування суперцивілізації. Скажемо, пасионарний толчок, послуживший джерелом слав'яно-тюркської суперцивілізації, став на межі XIII століття. Фаза підйому і акматична фаза продовжились чотири століття, з початку XIX століття розширює пасионарний надлом. Отже запозичення необхідних змін, «окостеніння» системи при скороченні кількості пасионарів, а також постійні перебудови суспільства в зв'язі з погіршенням умов життя. Надлом триває 200 років, тому XX століття несе слав'яно-тюркському суперцивілізації найбільш великі випробування: колишнє єдність сменяється ексцесами громадянської розни. Перспектива: або розпад і зникнення суперцивілізації в громадянських катаклізмах, або перехід в інерційну фазу і відносне благополуччя. Події після 1985 і 1991 рр. дають підстави для розвитку обох варіацій. Опасність роздроблення суперцивілізації є – відповідно, існує і ймовірність її поглинання осколками інших, перетворення в матеріал будівництва інших суперцивілізацій. Сценарій втягнення в постіндустріалізм з позицій школи Гумілева допускає трактування як відмову суперцивілізації від власної долі і залучення в ролі підпорядкованого елемента в ході розвитку західноєвропейської цивілізації, що знаходиться на іншій (інерційній) стадії. Таким чином, навіть основа подолання неорганічної різноманітності і об'єднання може бути різною; В. Немировський вводить поняття різної тривалості. Макроцикли в 2160 років синхронізуються з процесією (повільне зміщення земної осі) і рівні тривалості перебування прецесії в кожному з 12 зодіакальних созвездій. Кожен макроцикл задає пануюче світогляд, переформатує соціальні інститути і умови господарства. Перехід між циклами характеризується як період катастроф. Середньотривалі цикли вміщуються в 108 років і включають матеріально-речовинну (індустріалізація, тоталітаризм), функціонально-організаційну

(политическая борьба, усиление бюрократического аппарата) и информационную стадию. Российская империя вступила в очередной среднелетельный цикл в 1917 г., первая стадия вместила процессы 1917-1953 гг., вторая – 1953-1983 гг., третья – 1988-2025 гг. Первая (военно-террористическая) и вторая (командно-бюрократическая) стадии не могли дать основы демократическим преобразованиям: просто произошла смена элиты. Не начнутся радикальные изменения и сейчас: до 2025 г. будут преобладать авторитарные методы управления, но власть перейдет к информационно-технократическому слою. Наконец, на смену техноцентристской идеологии придет идеология космоцентристская.

Особое место в детерминации ритмичности и аритмичности, цикличности и направленности развития социохозяйственных систем занимает селективность как форма избирательного взаимодействия. Под избирательностью понимается выбор такого движения, которое обеспечивает устойчивость в изменяющихся условиях с учетом новой конкретной специфики. При анализе движения отношений социального отчуждения и творчества исследователи имеют дело не столько с гомеостазисом (сохранением состояния), сколько с гомеорезисом (устойчивым процессом смены состояний).

Н. Кондратьев исходит из того, что подъемы и спады экономической жизни принимают колебательную или волнообразную форму, т.е. в каждый момент имеют свое направление, постоянно меняют его и могут вернуться к исходному состоянию. В своем докладе «К вопросу о понятиях экономической статики, динамики, и конъюнктуры», сделанном в 1924 г. в Институте экономики, он утверждал, что колебательное изменение элементов представляет собой лишь иную объективную форму выражения смены благоприятных и неблагоприятных условий хозяйственной жизни и деятельности. Анализируя же изменение цен, капиталовложений, зарплаты и других условий труда за длительный промежуток времени в экономике ведущих западных стран, он приходит к заключению, что имеется определенная периодичность в смене подъемов и спадов. Как подчеркивал Н. Кондратьев, материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ, требующих длительного времени и огромных затрат для своего производства. Смена и расширение фонда этих благ идет не плавно, а толчками, другим выражением чего и являются большие волны конъюнктуры». Мировая экономика, согласно гипотезе Кондратьева, развивается не равномерно и прямолинейно, а через волнообразные движения (спадподъем), принимающие циклическую форму. Однако

такое циклическое движение видится Кондратьеву исторически. Он разъясняет, что каждая последующая фаза цикла есть следствие кумулятивно накапливающихся условий в течение предыдущего времени, и каждый новый цикл, при сохранении принципов организации хозяйства, столь же закономерно следует за другим, как одна фаза одного и того же цикла за другой. Но при этом необходимо помнить, что каждый новый цикл протекает в новых конкретноисторических условиях, на новом уровне развития производительных сил и поэтому вовсе не является простым повторением предыдущего цикла».

На основе обработки огромного массива статистических данных Кондратьев определил три больших цикла конъюнктуры в мировой экономике. Первый – с 1790 по 1850 г., второй – с 1851 по 1890 г., а начало третьего датирует 1891 г. Практика 1920-х гг. (в первую очередь «великая депрессия»), подтвердив прогноз Кондратьева, способствовала заметному росту интереса западных ученых к его концепции. Правда, во время последующего периода стабилизации развития мировой экономики интерес к ней постепенно спал. Тем не менее в 70-е гг. концепция длинных волн в экономике возродилась вновь и была положена в основу ряда серьезных прогнозов мирового экономического развития (Дж. Форрестер, У. Ростоу, Г. Менш, Я. ван Дейн и др.). Предпринимаются попытки и более широкого, чем только экономического, подхода к концепции больших циклов. Ритмические экономические тенденции в таком случае рассматриваются (в частности, французским историком Ф. Броделем) как взаимодействующие с политикокультурными процессами. Выявляется связь между этими тенденциями и состоянием трудовых отношений, периодами подъемов и спадов активности. Для целей нашего исследования важно также отметить достижения У. Ростоу в интеграции аграрноценового, инвестиционного и демографического направлений исследования волн, а также выявление в работах Б. Томаса и А. Леви взаимодействия мирового экономического центра и периферии (но у Томаса особое внимание уделяется миграции населения и волнам хозяйственной активности, тогда как у Леви – соотношению цен в сельском хозяйстве и промышленности). Достаточно плодотворны выявления строительного цикла С. Кузнеця, циклов курсов акций фондовой биржи в 15 лет. Одна кондратьевская волна включает, по мнению Б. Берри, 2 цикла С. Кузнеця и 3 – фондовой биржи (Доу-Джонса).

На наш взгляд, в «большом цикле» можно выделить три основные фазы: 1) структурный кризис – понижательную фазу; 2) период

структурной стабилизации или адаптации; 3) структурный подъем, выступающий в виде повышательной волны «большого цикла». Все эти фазы являются различными ступенями смены модели развития. Если в фазе структурного кризиса идет ломка старой модели и поиски новой, начинается насильственное приспособление производственных отношений и хозяйственного механизма к новым условиям воспроизводства, то в фазе стабилизации это приспособление уже принимает определенные направления структурной перестройки. В фазе структурного подъема окончательно складывается новая модель, обеспечивающая переход на следующую ступень экономического роста.

Использование методологии волновых процессов дает возможность предвидеть и реагировать на различные фазы цикла, использовать аппарат раннего распознавания изменения системы и перехода ее в иной цикл. Однако есть и безусловные сложности.

Во-первых, имеющийся материал заведомо охватывает период, не превышающий двух, а в нескольких случаях трех–четырёх «длинных волн». С точки зрения критериев вероятностного анализа принятие решений или подтверждение гипотез в условиях столь ограниченной информации обладает малой достоверностью (тем более, что систематический сбор официальной макроэкономической статистики на постоянной основе начался лишь в 30-е годы нашего века). Во-вторых, экономические ряды, зачастую, демонстрируют сложное движение, содержащее в себе вековые тренды и различные колебания (как близкие к периодическим, так и чисто случайные). Методы выделения таких движений во многом интуитивны и зависят от субъективного подхода исследователя. В-третьих, как правило, чтобы отделить более длительные колебания от высокочастотных, применяют операцию усреднения временных рядов. Такая операция тоже может внести в результирующий ряд дополнительные колебания. Кроме того, некоторые специалисты не находят длительных колебательных закономерностей в показателях, на которых, по их мнению, в первую очередь и должен отражаться циклический механизм. В-четвертых, в среднесрочных циклах рассматриваются абсолютные взлеты и падения производства, а в «длинных волнах» – колебания темпов роста вокруг долговременных трендов. Спады и кризисы «длинной волны» не обязательно означают абсолютные падения; как правило, они отражают замедление темпов роста. Вместе с тем, наличие этих проблем, безусловно, отнюдь не означает отказа от самого аппарата социальных и экономических волн при анализе трудовых отношений. И в целом в изменении трудовых отношений их

социальность диктует как тенденции, связанные с ритмизмом, так и процессы линейного характера.

Однако социальные процессы имеют не только общие, родовые для всех волн, черты, но и особенности, в числе которых давно выделяются их стохастичность, изменчивость основных параметров (амплитуд, фаз, периодов). Понимание содержания социальных циклов базируется на освоении анализа более простых видов движения материи, но не сводится к ним. По замечанию А. Чижевского, если бы мы попытались графически представить картину многообразия этой цикличности, мы получили бы ряд синусоид, накладывающихся одна на другую или пересекающихся одна с другой. Все эти синусоиды в свою очередь оказались бы изрытыми мелкими зубцами, которые также представляли бы зигзагообразную линию, и т.д. В этом бесконечном числе разной величины подъемов и падений сказывается биение общемирового пульса, великая динамика природы, различные части которой созвучно резонируют одна с другой. Вместе с тем, эти частности интегрируются за счет единства 1) исходного основания (сущностных сил человека, его природы); 2) тенденций и закономерностей волнообразного движения; 3) выявления доминирующей формы движения и господствующего ритма социальности. Однако, противоречива и сама интеграция ритмов, что проявляется в противоречии огосударствления и приватизации, централизации и децентрализации, унификации и многообразия. Для выделения оптимума сочетания, предлагается использовать правило «золотого маятника», благодаря которому «в одном случае, можно ускорить решение экономических проблем, в другом – снять накапливающуюся социальную напряженность». При этом обоснованно выделяется три типа маятников (золотой, железный и медный), где «золотой качается в зоне золотой середины, железный – резко заходит за края слева и справа, а медный не может набрать нужного размаха и оказывается в зоне малой подвижности» [10, 31].

При осмыслении места фактора ценностно-смысловых комплексов в осуществлении непрерывного саморазвивающегося процесса становится понятным, что она включает в себя общественное производство, поскольку соединяет не только достигнутые духовные и материальные ценности, не только процесс и средства их создания, но и осознанную историю движения к обретаемым жизненным ценностям. Соответственно, в ходе всемирной истории соответственно ценностносмысловым комплексам формируются особенности культурноцивилизационных миров: цивилизации – локальные, особенные и всемирную; доиндустриальные, индустриальные и

постиндустриальные; западно-христианский и прочие (восточнохристианский, исламский, индобуддийский, конфуцианобуддийский) развитые, а также промежуточные. Отдельное человеческое сообщество при этом может характеризоваться как социокультурная система деятельности, а взаимодействие локальных культурно-цивилизационных миров в полиструктуре – как социум. Такие системы различаются между собой составом элементов (хотя эти различия нивелируются в процессе исторического развития), структурой связей между ними, интенсивностью проявления или осуществления функций, формами включения элементов в систему и т.д. Учитывая многообразие этих элементов (религиозные, социальные, идеологические, технологические, моральные, правовые и пр.), формы их взаимодействия и способы проявления в процессе жизнедеятельности общества, можно говорить о культурном континууме, мощных социальных сетях.

Таким образом, состояние и развитие общественной жизни, а также границы и пути эффективного социального управления могут рассматриваться в контексте определенных переходных черт, связанных с наложением особенностей затянувшихся постсоветских трансформаций и тенденций социокультурной постмодернизации. Понимание истории как циклического, а не только линейного процесса и признание инновационно-синергетического характера нового цикла меняет представления об общественном прогрессе, усиливает необходимость создания условий творчеству производственному и социальному. Соотношение характеристик элементов прогресса и регресса в процессах социогенеза, а также особенности политической и экономической конъюнктуры и востребованность типа политических лидеров и социальных воздействий связано со спецификой циклической и необратимой форм движения, особенностями действия закона неравномерности общественного развития.

Дальнейшее исследование темы предполагает активный ввод в анализ как диапазона возможностей и потенциала постсовременных трансформаций, так и компаративистики революционных и эволюционных моделей общественных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. – М. : Советская энциклопедия, 1975. – Издание десятое, стереотипное. – 846 с.

2. Советский энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет: А.М. Прохоров и др. ; Гл. ред. С.М. Ковалев]. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – 1600 с.
3. New Webster's Dictionary of the English Language: College Edition. – Delhi : Surjeet Publications, 1988. – 1824 p.
4. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. – М. : Наука, 1977. – 705 с.
5. Вазюлин В. А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 328 с.
6. Зарубин А. Г. Вопросы динамики социального развития (темпорализм истории и современность). – Р н/Д : Изд-во Ростовского ун-та, 1991. – 174 с.
7. Соколов Ю. Н. Цикл как основа мироздания. – Ставрополь : ЮРКИТ, 1995. – 123 с.
8. Черникова И. В. Глобальный эволюционизм. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1987. – 182 с.
9. Моисеев Н. Н. Алгоритмы развития. – М. : Наука, 1987. – 303 с.
10. Волновые процессы в общественном развитии / В.В. Василькова, И.П. Яковлев, И.Н. Барыгин [и др.] – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 227 с.
11. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. – Калуга : 1 Гостиполитография, 1924. – 72 с.
12. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. – М. : Мысль, 1973. – 347 с.
13. Яковец Ю. В. Предвидение будущего: парадигма цикличности. – М. : Прогнозы и циклы, 1992. – 110 с.
14. Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М. : Прогресс, 1991. – 736 с.
15. Форрестер Дж. Мировая динамика [Электронный ресурс]. – М. : Издательство АСТ; 2006. – Режим доступа : http://www.rus.noyantapan.am/tovary?page=shop.product_details...
16. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. – М. : Экономика, 1989. – 396 с.
17. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры / Н.Д. Кондратьев, Д.И. Опарин. – М. : Институт экономики: Дело, 1928. – 269 с.
18. Меньшиков С. М. Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу [Электронный ресурс] / С.М. Меньшиков, Л.А. Клименко. – М. : Международные отношения, 1989. – 272 с. – Режим доступа: <http://www.politazbuka.info/.../769-menshikov-klimenko-dlinnye-volny-v-ekonomi...>
19. Nisbet R. Social change. – Oxford : Blackwell, 1972. – 270 p.
20. Schumpeter J. A. Business Cycles. Theoretical, Historical and Statistical Analysis of the Capitalist Process [Электронный ресурс]. – Vol. 11. – N. Y. & L. : McGraw-Hill., 1939. – Режим доступа :

- http://classiques.uqac.ca/.../Schumpeter.../business_cycles/schumpeter_business...
21. *Изюмов А.* К вопросу о «длинных волнах» в американской экономике / А. Изюмов, В. Попов // США: экономика, политика, идеология. – 1988. – № 4. – С. 3-12.
 22. *Шедяков В. Е.* Ритмы постсовременной модернизации: Содержание и управление // Бизнес Информ. – 1995.– № 41-42. – С. 6-9; № 43-44. – С. 11-16; № 47-48. – С. 52-54.
 23. *Шедяков В. Е.* Ритмы модернизации Украины и иностранные инвестиции // Бизнес Информ. – 1995. – № 25-26. – С. 29-33.
 24. *Шедяков В. Е.* Циклы модернизации трудовых отношений // Циклы природы и общества / [Под ред. Чурсина В.Д., Соколова Ю.Н., Шедякова В.Е.]: Тез. 3 Междунар. конф. Вып.1, 2. – Ставрополь, 1995. – С. 282-284.
 25. *Шедяков В. Е.* Социальное управление циклическими процессами трансформации общества: поиск оптимальности // Циклы природы и общества / [Под ред. Чурсина В.Д., Соколова Ю.Н., Шедякова В.Е.]: Тез. 3 Междунар. конф. Вып.1, 2. – Ставрополь, 1995. – С. 284-286.
 26. *Шедяков В. Е.* Регуляторы постсовременной модернизации хозяйства в процессах инновационно-синергетического цикла // Циклические процессы в природе и обществе: Тез. Междунар. конф. Вып. 2. – Ставрополь, 1994. – С. 186.
 27. *Шедяков В. Е.* Хозяйственная конъюнктура и циклы // Экономическая теория: учеб. пособие / Е. М. Воробьев (рук. авт. кол.), А. А. Гриценко, М. М. Гуревичев, В. Е. Шедяков [и др.] – Х. : Фортуна-пресс, 1997. – Гл.17. – С. 264-287.
 28. Экономическая теория: Учебное пособие / Авт. колл.: М.И. Бондаренко (рук.), А. А. Гриценко, В. Е. Шедяков [и др.] В 5-ти ч.– Х. : Изд-во Харьк. ун-та, 1993.
 29. Экономическая реформа: словарь для изучающих экономическую теорию / Беклер А., Гюрке Х., Шедяков В. Е. [и др.] ; под ред. Кучерявенко П. Х. [Депонированная рукопись] – Х., 1990. – 243 с. – Деп. в ИНИОН АН СССР 27.08.90, № 42762 // Новая советская литература по общественным наукам. Экономика, 1991. – № 1.
 30. *Шпенглер О.* Закат Европы / В 2 тт. – М. : Республика, 1993. – Т. 1. – 622 с.
 31. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. – М. : TERRA, 2008. – 704 с.
 32. *Зиновьев А. А.* Запад. Феномен западнизма. – М. : Эксмо, 2003. – 512 с.
 33. Гумилёв Л. Н. От Руси до России. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 320 с.
 34. *Ахиезер А. С.* Россия: Критика исторического опыта. – М. : Изд-во ФО СССР, 1991. – Т. 1. – 318 с.; Т. 2. – 377 с.; Т. 3. – 471 с.
 35. *Шедяков В. Е.* Культурно-цивилизационные миры и проведение новой модернизации: демифологизация проблемы // ВУЗ. XXI век. – 2012. – № 1. – С. 46-66.

36. *Шедяков В. Е.* Рефлексивная постсовременная модернизация и рефлексия постсовременной модернизации // ВУЗ. XXI век. – 2012. – № 2. – С. 50 – 73.
37. *Шедяков В. Є.* Ефективні технології соціального проектування: динаміка змін // Віче. – № 6 (315). – С. 26 – 28.
38. *Шедяков В. Є.* Апологія майбутнього [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/5475-apologya-maybutnogo.html>.
39. *Шедяков В. Є.* Стратегія вибору [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/3373-strategya-viboru.html>.
40. *Шедяков В. Є.* Про стратегію і тактику [Електронний ресурс] – Режим доступу : <http://ua-ekonomist.com/4855-pro-strategyu-taktiku.html>.
41. *Келле В. Ж.* Культура и история. Методологические заметки // Новая и новейшая история. – 2006. – № 1. – С. 23-32.
42. *Молль А.* Социодинамика культуры. – Изд. 3-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с.
43. *Завадский К. М.* Развитие эволюционной теории после Дарвина (1859 – 1920 годы). – Л. : Наука, 1973. – 423 с.
44. Марксистско-ленинская теория исторического процесса / [Под ред. Ф. В. Константинова, Ю. К. Плетникова, Л. П. Бугеовой и др.] – М. : Наука, 1983. – 535 с.
45. *Кизима В. В.* Культурно-исторический процесс и проблема рациональности. – К. : Наук. думка, 1985. – 214 с.
46. *Хабермас Ю.* В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. – Донецк : Донбасс, 1999. – 123 с.
47. *Хайдеггер М.* Идентичность и дифференциация. – М. : Логос, 1997. – 64 с.
48. *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
49. *Шлезингер А.* Циклы американской истории. – М. : Прогресс, Прогресс–Академия. – 688 с.
50. *Никитин С.* Теории «длинных волн» и научно-технический прогресс // Мировая экономика и международные отношения. – 1986. – № 8. – С. 101-110.

Шедяков В. Е. Значение ритмов, волн и циклов обновления и развития культурно-цивилизационных миров в реализации процессов социогенеза.

В статье проанализированы закономерности и примеры ритмичности в процессах социогенеза. Рассмотрено соотношение прогресса и регресса в истории культурно-цивилизационных миров. Особенности социального развития украинского общества изучены под углом зрения наложения друг на друга особенностей затянувшихся постсоветских трансформаций и постмодернизации общественной жизни. Отсюда, в частности, могут

происходит рекомендации в области социального управления и трансформации социальной работы.

Ключевые слова: социогенез, ритм, цикл.

Shedyakov V. E. Significance of rhythms, waves and cycles of renovation and development of cultural and civilizational worlds in sociogenesis processes realizing.

Lows and patterns of rhythmic processes sociogenesis are analyzed. Correlation of progress and regress in the history of cultural and civilizational worlds is examined. Features of social development of ukrainian society are studied from the point of view of the overlapping features of protracted post-Soviet transformations and post-modernization of public life. From here, in particular, the recommendations in the field of social management and transformation of social work are following.

Keywords: sociogenesis, rhythm, cycle.

Фельдман О. Б.

АЛЬТРУЇЗМ І ФІЛОСОФІЯ ТВАРИН

У статті обґрунтовано альтруїзм як ключовий принцип філософської рефлексії світу тварин. Автор доводить, що альтруїзм, пов'язаний з піклуванням, а не з домінуванням, є необхідною умовою ідентичності людини, підвищення поваги до життя як найвищої цінності, спільної відповідальності людства за все живе. Підкреслено необхідність виховання у людини альтруїстичного ставлення до тварин, створення соціальних інституцій, обґрунтування моральних і правових норм на основі принципу альтруїзму.

Ключові слова: альтруїзм, філософія тварин, захист тварин, права тварин, відповідальність, співчуття, моральний обов'язок.

Сучасна антропологічна криза виявляє себе в зростанні жорстокості відносно тварин. Особливо актуальною ця проблема є для України, яка має катастрофічну ситуацію у сфері захисту тварин. Занепокоєність викликає негуманне відношення до тварин, як-от масове вбивство, труєння, відстріл безпритульних тварин, жахливі умови утримання тварин у зоопарках та експлуатація у цирках і дельфінаріях, порушення елементарних етичних норм поведінки з тваринами у м'ясній і хутряній промисловості, безправне положення тварин, використовуваних під час дослідів і ксенотрансплантації. Ці жахливі факти свідчать про справжній зооцид, неприховані форми насильства, ілюструють ставлення суспільства до вбивства та фізичних